

УДК 811.161.1'371: 159.937.515.5

ГЕРАСИМЕНКО Ирина Анатольевна,

доктор филологических наук, зав. кафедрой языкознания и русского языка Горловского института иностранных языков Донбасского государственного педагогического университета; Горловка, Украина; e-mail: iragerasimenko@mail.ru; тел.: +38 (06242) 25169; моб.: +38 050 9994200

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ЗНАЧЕНИЯ РУССКИХ КОЛОРАТИВОВ

Аннотация. В статье рассматриваются лингвокультурные компоненты значения колоративов, функционирующих в русском языке. Под колоративами понимаются имена прилагательные, эксплицитно и имплицитно передающие цвет, оттенки цвета и разные цвета. Данные имена цвета расклассифицированы по структурным (на простые, композитные и составляющие описательных конструкций) и семантическим признакам (на колоративы с основной и производной цветовой номинацией; полисемантические и моносемантические; с эксплицитным и имплицитным значением цвета; собственно колоративы и колоративы с неконкретным цветовым содержанием; лексемы, называющие один или несколько цветов). Проанализированные вербальные знаки транслируют информацию, связанную с концептуализацией древнего мира и социума, отображают этническую ментальность, исторический и культурный опыт народа. Анализируются образные и символические значения колоративов, обусловленные мифологической формой мышления. Полученные результаты являются импульсом для изучения разных имён цвета, семантика которых осложнена лингвокультурной символикой и реликтовыми ритуальными представлениями.

Ключевые слова: колоратив, мифологическое мышление, лингвокультурный, компонент значения, семантика.

Исследованию колоративов в русском и других языках посвящено достаточно большое количество работ. Данная группа слов рассматривается с точки зрения её употребления в разные периоды развития языка (Н. Б. Бахилина, В. В. Колесов, М. Вас. Пименова), с позиции её деления на лексико-семантические группы (Р. В. Алимбиева, В. А. Москович), со стороны функционирования в текстах различных жанров (Н. В. Усанкова, Е. С. Снитко, Н. А. Новикова) и отдельных идиостилей (Е. А. Давыденко, С. В. Бобыль, Е. Ерёмченко). Этот пласт лексики исследуется в психолингвистическом (Р. М. Фрумкина, А. П. Василевич), семасиологическом (В. И. Шерцль, Н. Ф. Пелевина), символическом (Н. Б. Колосова, В. Ш. Курмакаева), антропоцентрическом (Е. В. Рахилина, В. Г. Кульпина, С. С. Мищенко) аспектах. Вследствие интереса лингвистов к культурным корням народа колоративы изучаются с позиций отображения в них этнической ментальности и национально-культурной маркированности (А. Вежбицкая, С. И. Григорук), их места во фразеологизмах (Н. И. Толстой, М. Ивич), а также их семантики в текстах фольклора (А. Т. Хроленко, Т. Е. Никулина, Л. Раденкович), что вызвано пониманием языка как модели культуры. Однако, несмотря на многочисленность и разноплановость наблюдений учёных над составом и семантикой колоративов, несмотря на наличие работ, посвящённых выделению на материале различных текстов присущих колоративам значений, лингвокультурная семантика этой группы слов недостаточно изучена. Цель статьи — представить анализ лингвокультурной семантики колоративов, функционирующих в русском языке. Под колоративами мы понимаем имена прилагательные, обозначающие конкретные и неконкретные цвета и функционирующие как самостоятельные (простые, сложные) лексемы и как составляющие описательных конструкций с компонентами *цвет/цвета*.

Анализ материала показывает, что в семантической структуре колоративов зафиксированы, кроме собственно цветовых, лингвокультурные значения, связанные мифической (образной) ментальностью народа. Мифическое (считающееся первичным) мышление отличается от последующих форм тем, что в нём ещё не произошло отделение образа от самой вещи, объективного от субъективного, внутреннего от внешнего. Как указывает Э. Кассирер, вещи и явления природы в мифическом мышлении представляются символами, за которыми скрываются действия, умысел и воля сверхъестественных сил. Если следовать этой логике, то наличие профанных, сакральных, inferнальных и др. лингвокультурных смыслов в структуре значения наиболее древних колоративов, синкретизм их семантики связаны с мифической ментальностью русского народа. Напротив, собственно цветовые значения обусловлены производной понятийной формой мышления. Рассмотрим некоторые из лингвокультурных смыслов анализируемых лексических единиц.

Сакральные, имеющие отношение к Божественному, религиозному, небесному, потустороннему и иррациональному, стоят в оппозиции к обыденным представлениям и реализуются в ряде выражений. В их числе фольклорное сочетание *красное солнце (солнышко)*, которое наделено «магическим» значением вследствие сакрального ему поклонения (древние славяне «были

солнцеклонниками» [6, с. 105], как, впрочем, и другие народы, которые также «на заре человеческого существования поклонялись солнцу» [4 с. 323]). Вследствие этого прототипная семантика колоратива *красный* в составе сочетания *красное солнце* могла быть связана не со значениями 'светлый' или 'красивый', а 'нужный', 'полезный': *Когда воссияло солнце красное / На тое ли на небушко на ясное, / Тогда зарождался молодой Вольга, / Молодой Вольга Святославович* [14, с. 221]; *На светлой заре, рано-утренней, / На восходе красного солнышка* [3, с. 275]. Именно поэтому, надо полагать, выражения *красное солнышко*, *красный свет* стали использовать как ласкательные обращения и обрядовые описания-характеристики (ср.: *Говорит тут Суханьша, Замантьев сын: «Ты гой еси, батюшко, Владимир — князь Сеславьевич, солнышко красное* [9, с. 66]).

Сакральное включает широкий спектр представлений, относящихся к магии, эзотерике, мистике. Для их вербализации в русской лингвокультуре используется, например, колоратив *зелёный* как компонент фольклорных сочетаний *зелёный луг*, *зелёная дубрава* и под. В языке устного народного творчества с помощью синтагм *зелёный луг*, *зелёная дубрава* описываются атрибуты места, где происходят сакральные (как и inferнальные) события — различные превращения и волшебства: [...] *Василиса Премудрая и тотчас обратила коней зелёным лугом, Ивана-царевича старым пастухом, а сама сделалась смирной овечкою* [14, с. 283]; *Ты сходи-ко, сокол милый брат, / Во поля, в луга во чистые, / Во леса-то во дремучие, / Во дубравушки зелёные, / Где сырой бор с ветром спорится, / Там все звери люты водятся* [14, с. 157].

В свою очередь, профанные (обыденные, повседневные) представления, будучи противопоставленными сакральным, отображены в синтагмах *чёрный народ*, *чёрные люди* 'простые', 'незнатные'. По одной из версий (предложенной В. И Далем, В. В. Колесовым, С. М. Соловьёвым) данная идиома восходит к сочетанию *черносошные крестьяне* 'крестьяне, жившие на так называемых чёрных, т. е. свободных, государственных, невладельческих землях'. Эти крестьяне ещё в 17 в., в отличие от помещичьих крепостных или монастырских и дворцовых (т. е. обеленных) крестьян, платили от чёрной сохи подать [5, с. 594, 596]. Считается, что они были тягловыми, социально бесправными и «не принадлежали ни к какому определённом классу» [8, с. 191], были «все прочие, остальные» [12, с. 282]. Поэтому внутренняя форма идиом *чёрный народ*, *чёрная кость* связана с обозначением народа, который был «общий, неопределённый, остальной, к известному разряду лиц или предметов не принадлежащий, ничей» (курсив автора. — И. Г.) [12, с. 282]. Как следствие, войдя во фразеологический фонд русского языка и получив лингвокультурную семантику 'отсталый', 'необразованный', сочетания *чёрный народ*, *чёрная кость* стали коррелировать с идиомами *тёмные люди*, *тёмный человек*, передающими с позиций профанного мышления значения 'невежественный', 'некультурный'. Ср.: *Мы — люди тёмные. Ты нам простыми словами жарь* (М. Шолохов).

Профанные представления зафиксированы и в примере *Татья с мамкой золотые, / Я — серебряная дочь* [15, с. 35], который вербализует большую значимость золотого. Данная семантика адъективов *золотой*, *серебряный* восходит к профанному историко-культурному знанию о большей ценности золота, в свою очередь, «ниже по шкале находятся значения, коррелирующие с 'серебряным' (< 'серебро')» [10, с. 239].

В свою очередь, inferнальные (демонические) представления реализованы в идиомах *чёрная книга*, *чёрная магия*, с помощью которых носители русской лингвокультуры характеризуют всё, что связано с нечистой силой, с inferнальными представлениями древних (*чёрная книга* — 'книга заклинаний', *чёрная магия* — 'волшебство, чародейство с помощью адских сил'). Колдовство издревле считалось опасным, поэтому осуждалось и порицалось. Отсюда и зафиксированная в данных фраземах отчётливо негативная семантика, закреплённое за ними созначение 'опасный'.

Лингвокультурный смысл 'опасный' вербализован и в сочетании *чёрный глаз* как составляющей паремий *Чёрный глаз, карий глаз — минуй нас; Глаз чёрный, взгляд бойкий, обычай волчий*. Такая отрицательная коннотация объясняется, на наш взгляд, национально-культурным восприятием чёрного цвета глаз. Дело в том, что цвет глаз — это этнический признак, поэтому чёрные глаза понимаются русским человеком двояко. Этот образ традиционно обозначает в русской культуре не только 'красивый' (ср.: *Ты, раздушечка, удалый молодец, / Чернобровый, черноглазый, душа мой!* [14, с. 127]), но 'иной', 'другой' и наделяется отрицательными коннотациями 'злостный', 'коварный', т. е. 'опасный'. Отсюда и положенный в основу сочетания *очи чёрные* символизм чёрных глаз (ср. заглавия произведений «*Очи чёрные*» М. Лермонтова и «*Очи чёрные*» В. Высоцкого, используемые как прямая отсылка к строкам романса Е. Гребёнки «*Очи чёрные, очи страстные, / Очи жгучие и прекрасные! / Как люблю я вас! Как боюсь я вас!*...»). Стало быть, во фразеологии (как и в языке художественной литературы) зафиксирована историко-культурная языковая традиция использовать колоратив *чёрный* для передачи отрицательной оценки человека (*чёрный* — 'опасный') с нетипичной для славян внешностью. Этот факт подтверждает мысль о том, что «цветовая» семантика напрямую связана с историческим и культурным опытом народа, что на цветообраз наслаиваются традиции и обычаи нации.

Инфернальное мышление отображают также народнопоэтические сочетания *синее море, жёлтый песок*. Так, зафиксированный в синтагме *синее море* образ синей воды на глубинном уровне связан со смертью и загробным миром: *Хоть я свалюсь на доску дубовую, / Не толь мне страшно принять смерть на синем море* [3, с. 442]; ср. реализацию значения 'тёмная вода' в выражении *синее море зелёное*, которое используется в языке белорусского фольклора: *На сінім моры, на зелёным стаіць... сядзіць чоран воран без касьцей...* [7, с. 53]. Не случайно синяя вода в ряде славянских культур (в частности, в южнославянских) отчётливо осознаётся как инфернальное место, где таятся враждебные человеку силы, как место обитания злых духов, выступая, по мнению Л. Раденковича, эквивалентом «демонического света» [11, с. 307].

В инфернальных описаниях различных превращений и таинств используется и образ жёлтого песка: *Уж вы сёстры мои вы родимые! / Вы подите-тка на сине море, / Вы возьмите-тка песку жёлтого, / Вы посеите-ка в саду батюшки. / Да когда песок взойдёт-вырастет, / Я тогда ж, сёстры, к вам назад буду* [13, с. 291]. В этом и подобных примерах семантика колоратива *жёлтый* осложнена отрицательной коннотацией. Как пишут М. А. Бобунова и А. Т. Хроленко, «жёлтый песок — общефольклорное эпитетосочетание с весьма сложной семантикой. В ней проступает мотив захоронения» [2, с. 5].

Итак, в русском лингвокультурном пространстве функционируют слова, которые в определённом окружении выступают как вербальные знаки сакральных, профанных, инфернальных представлений, обусловленных первичной мифической формой мышления древних. Между тем данные компоненты значения не являются единственными, которые несут культурно значимую информацию. Имеют место и другие (например, мифопоэтические, символические) смыслы, которые мы рассмотрим в наших последующих работах.

Литература

1. Андреева-Васина Н. И. Прилагательное *красный* в русских народных говорах (материалы и характеристики функционирования слова) / Н. И. Андреева-Васина // Дialeктная лексика / АН СССР ; Ин-т русского языка. — Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. — С. 115—120.
2. Бобунова М. А. Пробная статья. «Жёлтый» / М. А. Бобунова, А. Т. Хроленко // Фольклорная лексикография : сб. науч. тр. — Курск : Изд-во КГПУ, 1995. — Вып. 4. — С. 3—13.
3. *Былины* / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Селиванова Ф. М.]. — М. : Сов. Россия, 1988. — 576 с.
4. Гмызина Э. Цвет в повседневном обиходе средневековой Руси : лингвокультурологический аспект / Э. Гмызина // Повседневность как текст культуры : материалы междунауч. конф. (27—29 апреля 2005 г.). — Киров : Изд-во ВятГГУ, 2005. — С. 320—327.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : [в 4 т.]. / В. И. Даль. — М. : Русский язык, 1982. — Т. 4. — 683 с.
6. Дёмин В. Н. Звёздная судьба народов России / В. Н. Дёмин. — М. : Армада-пресс, 2002. — 320 с., ил. — (Истина где-то рядом).
7. Жылінская І. І. Сістэма колераабзначэнняў у беларускіх і рускіх замовах / І. І. Жылінская // Вестник Беларус. гос. ун-та. Сер. 4: Филология. — 1997. — № 2. — Мн. : Універсітэцкае, 1997. — С. 50—54.
8. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси / В. В. Колесов. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. — 312 с.
9. *Народная проза* / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Азбелева С. Н.]. — М. : Русская книга, 1992. — 608 с.
10. Николова В. Золотое в болгарской свадьбе / В. Николова // Признаковое пространство культуры / отв. ред. С. М. Толстая. — М. : Индрик, 2002. — С. 238—253.
11. Раденкович Љ. Символика света у народној магији јужних словена / Љ. Раденкович. — [1-е изд.]. — Ниш : Просвета ; Београд : Балканолошки ин-т сану, 1996. — 387 с.
12. Соловьёв С. М. О значении слова «чёрный» в древнем русском языке / С. М. Соловьёв // Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных. — М., 1845. — Т. 1. — С. 282—286.
13. *Русская народная поэзия*. Эпическая поэзия : сборник / [вступ. статья, предисл. к разделам, подг. текста, коммент. Б. Путилова]. — Л. : Худож. лит., 1984. — 440 с.
14. *Русский фольклор* / [сост. и примеч. В. Аникина]. — М. : Худож. лит., 1986. — 367 с.
15. *Частушки* / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова]. — М. : Сов. Россия, 1990. — 656 с.

References

1. *Andreeva-Vasina N. I. Prilagatel'noe krasnyj v russkikh narodnyh govorah (materialy i charakteristiki funkcionirovanija slova) / N. I. Andreeva-Vasina // Dialektnaja leksika / AN SSSR ; In-t russkogo jazyka. — L. : Nauka, Leningr. otd-nie, 1978. — S. 115—120.*
2. *Bobunova M. A. Probnaja stat'ja. «Zhioltyj» / M. A. Bobunova, A. T. Hrolenko // Fol'klornaja leksikografija : sb. nauch. tr. — Kursk : Izd-vo KGPU, 1995. — Vyp. 4. — S. 3—13.*
3. *Byliny / [sost., vstup. st., podgot. tekstov i komment. Selivanova F. M.]. — M. : Sov. Rossija, 1988. — 576 s.*

4. *Gmyzina Je.* Tsvet v povsednevnom obihode srednevekovoj Rusi : lingvokul'turologicheskij aspekt / Je. Gmyzina // Povsednevnost' kak tekst kul'tury : materialy mezhdun. nauchn. konf. (27—29 aprelja 2005 g.). — Kirov : Izd-vo ViatGGU, 2005. — S. 320—327.
5. *Dal' V. I.* Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka : [v 4 t.]. / V. I. Dal'. — M. : Russkij jazyk, 1982. — T. 4. — 683 s.
6. *Diomin V. N.* Zvizdnaja sud'ba narodov Rossii / V. N. Diomin. — M. : Armada-press, 2002. — 320 s., il. — (Istina gde-to riadom).
7. *Zhylynskaja I. I.* Sistjema koleraabznachienniaŭ u belaruskich i ruskih zamovah / I. I. Zhylynskaja // Vestnik Belarus. gos. un-ta. Ser. 4: Filologija. — 1997. — № 2. — Mn. : Universiteckae, 1997. — S. 50—54.
8. *Kolesov V. V.* Mir cheloveka v slove Drevnej Rusi / V. V. Kolesov. — L. : Izd-vo Leningr. un-ta, 1986. — 312 s.
9. *Narodnaja proza* / [sost., vstup. st., podgot. tekstov i komment. Azbeleva S. N.]. — M. : Russkaja kniga, 1992. — 608 s.
10. *Nikolova V.* Zolotoe v bolgarskoj svad'be / V. Nikolova // Priznakovoe prostranstvo kul'tury / otv. red. S. M. Tolstaja. — M. : Indrik, 2002. — S. 238—253.
11. *Radenkovich L'.* Simbolika sveta u narodnoj magiju juzhnih slovena / L'. Radenkovich. — [1-e izd.]. — Nish : Prosveta; Beograd : Balkanoloski in-t sanu, 1996. — 387 s.
12. *Solov'jov S. M.* O znachenii slova «choirnyj» v drevnem russkom jazyke / S. M. Solov'jov // Sbornik istoricheskikh i statisticheskikh svedenij o Rossii i narodah jej edinovernyh i edinoplemennyh. — M., 1845. — T. 1. — S. 282—286.
13. *Russkaja narodnaja poezija.* Epicheskaia poezija : sbornik / [vstup. stat'ja, predisl. k razdelam, podg. teksta, komment. B. Putilova]. — L. : Hudozh. lit., 1984. — 440 s.
14. *Russkij fol'klor* / [sost. i primech. V. Anikina]. — M. : Hudozh. lit., 1986. — 367 s.
15. *Chastushki* / [sost., vstup. st., podgot. tekstov i komment. F. M. Selivanova]. — M. : Sov. Rossija, 1990. — 656 s.

ГЕРАСИМЕНКО Ірина Анатоліївна,

доктор філологічних наук, завідувач кафедри мовознавства та російської мови Горлівського інституту іноземних мов Донбаського державного педагогічного університету; Горлівка, Україна;
e-mail: iragerasimenko@mail.ru; тел.: +38 (06242) 25169; моб.: +38 050 9994200

ЛІНГВОКУЛЬТУРНІ КОМПОНЕНТИ ЗНАЧЕННЯ КОЛОРАТИВІВ

Анотація. У статті розглядаються лінгвокультурні компоненти значення колоративів, які функціонують у російській мові. Під колоративами ми розуміємо прикметники, які експліцитно й імпліцитно позначають колір, відтінки кольору та різні кольори. Ці імена кольору покласифіковані за ознаками структурними (прості, композитні й описові конструкції) та семантичними (колоративи з основним і похідним колірним значенням; полісемантичні та моносемічні; з експліцитним та імпліцитним значенням кольору; власне колоративи та колоративи з неконкретним колірним значенням; колоративи, що називають один чи декілька кольорів). Проаналізовані вербальні знаки транслюють інформацію, яка певною мірою концептуалізує давній світ і соціум, відображає етнічну ментальність, історичний і культурний досвід народу. У статті йдеться також про образні та символічні колоративні значення, зумовлені міфологічною формою мислення людини. Отримані результати є імпульсом для вивчення різних кольоропозначень, семантика яких ускладнена лінгвокультурною символікою та реліктовими ритуальними уявленнями.

Ключові слова: колоратив, міфологічне мислення, лінгвокультурний, компонент значення, семантика.

Irina A. GERASIMENKO,

Grand PhD in Philological Sciences, Head of Linguistics and the Russian Language Chair of Horlivka Institute of Foreign Languages in Donbas State Pedagogical University; Horlivka, Ukraine;
e-mail: iragerasimenko@mail.ru; tel: +38 (06242) 25169; mob.: +38 050 9994200

LINGUAL AND CULTURAL COMPONENTS OF THE COLOUR TERMS

Summary. The article deals with the Russian colour terms that have lingual and cultural meaning. To colour terms we realize adjectives which mean specific and non-specific colours, and which function as independent (simple, complex) lexemes, as well as parts of descriptive constructions with the component *colour / of the colour*. These lexemes and constructions are classified according to structural (into simple, composite and parts of descriptive constructions) and semantic peculiarities (into colour terms with basic and derived colour meaning, polysemantic and monosemantic; with explicit and implicit colour meaning; colour terms proper and colour terms with unspecific colour meaning; colour terms that name one or several colours). These verbal signs transmit information which is connected with conceptualization of the ancient world and society; reflect the ethnic mentality, historical and cultural experience of people. It deals with figurative and symbolic meanings of colour terms which are conditioned by mythological form of human thinking. The obtained results are the impulse for the investigation of different colour terms which semantics is complicated by lingual and cultural symbols and relict ritual beliefs.

Key words: colour term, mythological thinking, lingual and cultural, component of the meaning, semantics.

Статтю отримано 28.03.2014 р.